

УДК 821.161.1"1952/1997"
DOI 10.20339/PhS.1-25.142

Р.Г. Круглов, Н.С. Широглазова

Рецепция идеи прогресса в зрелом творчестве Чингиза Айтматова¹

Актуальность работы обусловлена современными тенденциями изучения литературы в ее аксиологическом аспекте. Исследование направлено на выявление характера рецепции идеи прогресса в зрелой художественной прозе Ч.Т. Айтматова. К ней впервые в литературоведении применены взаимодополняющие номинальный и ценностный подходы к классификации литературы. Номинальный подход главным образом дает представление об отношении к произведениям в критике и литературоведении того или иного периода, тогда как ценностный предполагает классификацию произведений на основе транслируемых в них мировоззренческих установок. Творчество писателя доперестроечного периода считалось соцреалистическим в советский период, однако после распада СССР в айтматоведении преобладает тенденция отрицания принадлежности писателя к соцреализму. Сопоставление транслируемых в творчестве Айтматова ценностей с ценностной системой социалистического гуманизма показывает, что основное различие между ними определяется разницей в отношении к идее прогресса. Если социалистическому гуманизму свойственно представление о линейности времени, то в художественном мире Айтматова время нелинейно. Несмотря на близость с соцреализмом на уровне нравственных оценок и моральных установок, в зрелом творчестве писателя мерилом и гарантом нравственности выступает не идеальное представление о будущем, а традиционные устои. Они отражают не новое, которое мыслится в айтматовской парадигме как преходящее, а вечное, которое в произведениях писателя противопоставляется преходящему.

Ключевые слова: Айтматов, соцреализм, прогресс, идеология, социалистический гуманизм, мифологическое направление, трагическое, нелинейное время, исторический оптимизм

The relevance of the work is due to modern trends in the study of literature in its axiological aspect. The research is aimed at revealing the nature of the reception of the idea of progress in the mature fiction of Ch.T. Aitmatov. For the first time in literary studies, mutually clarifying nominal and value approaches to the classification of literature have been applied to it. The nominal approach mainly gives an idea of the literary criticism of a particular period, whereas the value approach assumes the classification of works on the basis of the ideological attitudes transmitted in them. The work of the writer of the pre-perestroika period was considered socialist realist in the Soviet period, however, after the collapse of the USSR, the tendency prevails in Aitmatov studies to deny the writer's belonging to socialist realism. A comparison of the values conveyed in Aitmatov's work with the value system of socialist humanism shows that the main difference between them is determined by the difference in attitude to the idea of progress. If socialist humanism is characterized by the idea of the linearity of time, then in Aitmatov's art world time is nonlinear. Despite the proximity to social realism at the level of moral assessments and moral attitudes, in the mature work of the writer, the measure and guarantor of morality is not an ideal idea of the future, but traditional foundations. They do not reflect the new, which is thought of in the Aitmatov paradigm as transitory, but the eternal, which in the works of the writer is opposed to the transitory.

Keywords: Aitmatov, socialist realism, progress, ideology, socialist humanism, mythological trend, tragedy, nonlinear time, historical optimism

Введение

Многие советские писатели в течение жизни пересматривали свое отношение к государственной идеологии и, как следствие, к социалистическому реализму. Чингиза Торенкуловича Айтматова (1928–2008) на протяжении большей части его писательского пути литературоведы и критики относили к социалистическому реализму, сам писатель неоднократно прокламировал это [7. С. 303], однако в поздних его произведениях, например «Тавро Кассандры» (1997), отражены распростиравшиеся на излете XX в. антисоветские настроения. Есть основания полагать, что Айтматов и до распада СССР, как писал А. Турсон, «придерживаясь соцреалистических идеалов, приспособлял связанные с этими идеалами идеологические нормы к своим творческим поискам, которые, однако,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>); Russian Christian Humanities Academy named after F.M. Dostoevsky.

выходили за официальные рамки» [18]. Творческую биографию писателя иногда интерпретируют как развитие от социалистического реализма к мифологическому направлению [11]. В средствах массовой информации Айтматова называют даже «магическим соцреалистом» [12], указывая на параллели его произведений с магическим реализмом. Все это говорит о том, что характер отношения творчества Айтматова к соцреализму нуждается в уточнении.

Соцреализм изначально был понятием не научным [16. С. 233], имел расплывчатые границы, охватывая все виды искусства, включая изначально чуждые реализму, такие как музыка и архитектура. Будучи основным одобряемым советской властью художественным методом, номинально он объединял почти все издающиеся в СССР и положительно оцененные критикой произведения советских писателей. Это говорит о том, что соцреализм невозможно без искажения сути этого явления свести к набору тех или иных схем. Его парадигма значительно шире, поскольку имеет идеологический (мировоззренческий), а не тематический или стилистический характер.

Ввиду того что соцреализм был, в сущности, идеологическим явлением, целесообразно обратиться к методу ценностной систематизации литературы. Он предполагает анализ системы ценностей, транслируемых в произведениях [8. С. 68]. Система ценностей соцреализма — социалистический гуманизм, принципы которого заявлены в статье А.В. Луначарского «Основы позитивной эстетики»:

...народ жаждет лучшего будущего, народ — идеалист искони, но его идеалы становятся все более реалистическими по мере того, как он сознает свои силы; он все более готов теперь предоставить небеса ангелам и вору и жить земною жизнью, расширяя и поднимая ее беспредельно. <...> ...Человек, создав идеал будущей красоты, чувствует, как ничтожно то, чего он может пока достигнуть лично для себя, и, объединив свои усилия с усилиями братьев по идеалу, он творит в большом масштабе, для веков; что за дело, если он не увидит законченным построение храма, — он оставляет его в руках человечества, наслаждаясь постепенным приближением к венцу здания, и находит свое счастье в самой борьбе, в самом творчестве [10. С. 99].

Социалистический гуманизм — это светский гуманизм реального действия, предполагающий веру в человека-творца, своим трудом меняющего мир к лучшему.

Для того чтобы определить отношение произведения к соцреализму, целесообразно использовать два взаимодополняющих подхода:

- номинальный (произведения считались соцреалистическими на момент их создания);
- сущностный (в произведениях транслируются ценности социалистического гуманизма).

Как было отмечено, «доперестроечное» творчество Айтматова номинально является соцреалистическим. Для выявления своеобразия рецепции соцреализма в творчестве Айтматова нужно сопоставить ценности, транслируемые в нем, с ценностной системой социалистического гуманизма.

Результаты исследования и их обсуждение

В постсоветском айтматоведении доминирует тенденция определения творчества писателя не через соцреализм [6; 14; 18; 19]. Например, в диссертации О.С. Кобзевой «Проза Чингиза Айтматова в журнальном контексте “Нового мира”» говорится, что Айтматов, как член редакционного коллектива и постоянный автор журнала, опирался в своем художественном творчестве на его программные идейно-эстетические и творческие установки. Однако большинство выделенных исследователем «новомирских» установок в творчестве Айтматова не являются специфическими для журнала. О них шла речь еще в «Докладе А.М. Горького о советской литературе» на Первом всесоюзном съезде советских писателей (1934): публицистическая направленность на пробуждение гражданского самосознания и преодоление социальной апатии, ярко выраженный гуманистический характер творчества, принцип историзма, точность изображения характера эпохи, соединение «органической близости интересам и нуждам народа» с «высокой духовной

культурой», изображение героя-труженика с сильным характером и высоким нравственным чувством, воспринимающего чужую боль как свою, и др. [13. С. 4–18].

Как видим, идейные и творческие установки Айтматова в основном соответствуют соцреалистическим. Выделяемые современными исследователями элементы философии Айтматова [4. С. 4–18] находятся в русле социалистического гуманизма. Противоречат обозначенной ценностной системе такие черты художественного мира писателя, как циклическое понимание времени, возвращение к моменту миротворения, идеализация прошлого, восприятие его как мерила нравственности и ее гарант. А.Ф. Кофман писал:

У Айтматова и его положительных героев времена на ценностной шкале распределены совсем не так, как должно в литературе социалистического реализма. Пожалуй, наименьшую ценность для них имеет будущее, ибо оно темно и неясно. Настоящее куда более значимо, поскольку именно здесь и сейчас совершается течение жизни с ее радостями и тяготами, бедами и удачами. Вместе с тем настоящее, будучи порождением современной истории, как и она, изменчиво и непрочно. Абсолютной и непреложной ценностью для писателя и его героев является прошлое, не вчерашнее, а самое отдаленное прошлое, первоначальные времена. К нему они постоянно обращаются в своих мыслях, его живое присутствие они ощущают всем своим существом [7. С. 306].

Неверие в будущее и вера в прошлое у Айтматова связаны с сомнением в положительном значении цивилизации вообще и негативным восприятием ее современных проявлений. В произведениях писателя город нередко предстает как искаженный, противоестественный мир, а современный человек — как манкурт, забывший прошлое и бездумно губящий источник своей жизни — природу. Это говорит о том, что художественному мировидению Айтматова не свойственна присущая социалистическому гуманизму вера в прогресс.

В трудах различных теоретиков прогресса современный философ А. де Бенуа выделил основные общие элементы этой идеи: представления о линейности времени, о едином направлении развития для всего человечества и о том, что мир должен быть изменен человеком — полноправным хозяином природы. Философ отмечает, что эти представления возникли в русле христианства, с XVII в. были переформулированы в светском ключе, а в ходе XX столетия идея прогресса «дала серьезную трещину» [3. С. 131]. Польский социолог П. Штомпка, хотя и упоминает зачатки идеи прогресса в античной мысли, тем не менее утверждает, что «идея прогресса, согласно широко принятой интерпретации, является секуляризованной версией христианской веры в провидение» [22. С. 131]. Различные исследователи солидарны в том, что идея прогресса — одна из основополагающих в европейской культуре после Ренессанса, не случайно ее иногда называют «подлинной религией западной цивилизации» [3. С. 120]. Стимулируя процесс развития науки и техники, она получала себе подтверждение в самом этом процессе.

О вероисповедной природе прогресса еще в начале XX в. писал историк М.И. Ростовцев, отмечая, что положительное развитие человечества недоказуемо, а вера в него — это «особая форма религиозного чувства людей, привыкших к научному методу и распространяющих то, что применимо к отдельным отраслям науки, к человеческой жизни во всей ее сложности вообще» [15. С. 167]. По мнению М.И. Ростовцева, понятие прогресса применимо к тем или иным областям знания при рассмотрении этого знания вне контекста культуры в целом и вне телеологии. В середине XX в. М. Хайдеггер одним из первых на Западе не только ограничил сферу существования прогресса техникой, но и обозначил исходящую от него опасность. Немецкий философ констатировал, что прагматичность задач техники влияет на картину мира человека помимо его воли, делая его мышление все более прагматичным (а значит, ограниченным): «В самом злом плену у техники мы оказываемся тогда, когда видим в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» [21. С. 221].

В начале XXI в., по словам А. де Бенуа, «само знание, как видно из дебатов, которые были вызваны появлением биотехнологий, воспринимается как источник угроз» [3. С. 131]. Современные

исследователи констатируют, что в ходе XX в. идея прогресса пришла в упадок, однако у нее нет адекватной альтернативы. Некоторые теоретики, такие как американский исследователь Ф. Фукуяма, в конце прошлого столетия утверждали, что мировой прогресс скоро достигнет своего предела и этот процесс необратим [20], однако философия «конца истории» вступает в явное противоречие с геополитическими реалиями современности.

Несмотря на то что, как писал О.С. Волгин, «современная западная обществоведческая мысль избегает говорить о судьбе истории» [5. С. 22], связанные с идеей прогресса категории инновационности, революционности, перспективности постоянно используются учеными, художественными критиками, управленцами, педагогами [2]. Обращение к дискредитированной идее прогресса происходит, вероятно, потому, что в современном глобальном мире нет иной универсальной идеи, объясняющей смысл человеческой истории.

Критическая оценка прогресса в творчестве Айтматова тесно связана с обращением к национальным корням, экологической проблематике, с поэтизацией прошлого как времени, когда человек жил в гармонии с природой. Эти черты присущи также деревенской прозе, влияние которой испытывал писатель [6. С. 15], однако все это типично для художественной литературы второй половины XX в. в целом. Мировоззренческие последствия дискредитации идеи прогресса в XX в. отразились в художественной литературе разных стран. Эта глобальная тенденция прослеживается после Второй мировой войны (например, «Повелитель мух» У. Голдинга (1954), «Женщина в песках» Кобо Абэ (1964), «Завтрак для чемпионов» К. Воннегута (1973) и др.).

Для конца XX столетия характерно массовое распространение отрицательного восприятия прогресса. К примеру, в популярных фильмах, таких как «Терминатор» (1984) или «Матрица» (1999), отражен страх перед прогрессом как изначально антропогенным, а впоследствии самостоятельным фактором формирования будущего — без человека. Айтматов, безусловно, был одним из писателей, отразивших в своем творчестве тенденцию усиливающегося к концу столетия страха перед прогрессом; вероятно, самый яркий пример этого — финал романа «И дольше века длится день» (1980), где человек и верблюд в ужасе бегут от стартующей космической ракеты [1. Т. 2. С. 488].

По выражению О.С. Волгина, «безусловная вера в самоорганизацию социальной жизни приводит к потере из поля зрения... самого инициатора социальной действительности — человека» [5. С. 4]. Прогресс, понимаемый как бессубъектное действие, предполагает мировоззренчески безответственного человека, не осознающего, что реальный мир зависит от его действий. Именно такими предстают отрицательные герои в произведениях Айтматова, например: манкурт из романа «И дольше века длится день» (1980), Базарбай и Обер-Кандалов из романа «Плаха» (1986), но, вероятно, самый яркий пример — Орозкул из повести «Белый пароход» (1970). Этот герой мечтает быть начальником в городе, чтобы обладать властью и богатством, однако вообще не задумывается о том, в чем же состоит работа городских начальников, которым он завидует, равно как и не сомневается в том, что в городе все женщины красивые, как артистки [1. Т. 2. С. 52]. Воображаемый город Орозкула — это воплощение наивной веры в прогресс как объективно существующую силу, направленную на удовлетворение любых потребностей человека. Орозкул в повести противостоит мальчику и деду Момуну, нравственность которых во многом обеспечивается их связью с традиционными корнями и архаическим мифом. Этот миф противопоставляется свойственному Новому времени культурному мифу о прогрессе.

Как писала М.С. Мискина, «Белый пароход» стал началом тенденции обращения к мифу в творчестве Айтматова [11. С. 8]. Согласно О.С. Кобзевой, в произведениях Айтматова 1970-х

главная стихия конфликта — столкновение потребительской этики с традиционными моральными устоями, для которых характерно бескорыстие и презрение к материальным благам, — служила для исследования внутреннего мира человека, «живущего одной жизнью с веком», духовные и нравственные качества которого, определяющие духовный потенциал личности, проявлялись в условиях создающего труда современных людей и в условиях научно-технической революции [6. С. 17].

Данная формулировка соответствует ценностной системе социалистического гуманизма во всем, кроме одного: у Айтматова потребительская этика противопоставляется не социалистической морали, основанной на вере в светлое будущее, а традиционным устоям. При этом названные свойства этих устоев полностью соответствуют принципам социалистического гуманизма, присущим соцреалистической литературе изначально (например, «Разгром» А.А. Фадеева (1926), «Как закалялась сталь» Н.А. Островского (1932) и др.). Это соответствие закономерно, поскольку для русской культуры в исторической перспективе характерно нестяжательное отношение к материальным благам и неприятие корысти как таковой. Как писал исследователь русской культуры Ю.С. Степанов, данное свойство национального характера поддерживалось советской идеологией [17. С. 585]. По-видимому, бескорыстие, презрение к материальным благам и потребительской морали присущи не только этике социалистического гуманизма и русской культуре, но и ряду других национальных культур СССР. Как отметил Д.И. Кузнецов,

Чингиз Айтматов, в жилах которого не было ни капли русской крови <...> является ярчайшим представителем не только киргизской, казахской, татарской культуры, но прежде всего русской. Хотя, если отталкиваться от теории Л.Н. Гумилева, все эти культуры уже давно стали одним целым — культурой Евразии [9. С. 29].

Несмотря на близость на уровне моральных установок и нравственных оценок, социалистический гуманизм и традиционные устои явно расходятся в понимании прошлого и будущего времени. Это расхождение ярко представлено в диалоге мальчика с солдатом в повести «Белый пароход»:

- Разве тебя не учили запоминать имена семерых предков? — спросил мальчик.
- Не учили. А зачем это? Я вот не знаю и ничего. Живу нормально.
- Дед говорит, что если люди не будут помнить отцов, то они испортятся <...> никто не будет стыдиться плохих дел, потому что дети и дети детей о нем не будут помнить. И никто не будет делать хорошие дела, потому что все равно дети об этом не будут знать [1. Т. 2. С. 77].

По-видимому, с крахом веры в человека — строителя светлого будущего связано усиление религиозных и традиционалистских тенденций в литературе, транслирующей гуманистические ценности, во второй половине XX в. Это характерно в том числе для произведений, которые на момент их создания считались принадлежащими к соцреализму (например, «Пятая печать» Ф. Шанты (1963), «Донна Флор и два ее мужа» Ж. Амаду (1966), «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева (1973)). Поскольку ряд номинально соцреалистических произведений второй половины XX в. отразил свойственный тому периоду критический пересмотр идеи прогресса, можно заключить, что этот пересмотр характерен для соцреализма указанного периода. Вместе с тем очевидно, что переоценка идеи прогресса сущностно меняет ценностную систему социалистического гуманизма, поскольку касается представлений о смысле мировой истории.

Выраженный в произведениях Айтматова страх по поводу будущего человечества и критика прогресса усиливаются в романский период его творчества. Этому периоду свойственно трагическое [6. С. 24]. Эстетическая категория трагического предполагает, что источником страдания и гибели героя, заслуживающего читательского сочувствия, становится свободный поступок самого этого героя. А.Ф. Кофман определяет основной художественный конфликт в художественном мире Айтматова как противоборство преходящего и нетленного [7. С. 309]. Специфический для Айтматова тип трагического определяется его планетарным масштабом. В развитии трагического конфликта показывается неразрывная связь всех живых существ, а трагическим героем, терпящим крах на пути реализации своей свободы, становится человечество, безответственно переступающее через вечное (традиции и природу) ради сиюминутных амбиций (как правило, власти и наживы). Разрыв связи с прошлым вызывает необратимые гибельные последствия, лишая человека будущего. Например, в «Белом пароходе», когда Момун убивает рогатую мать-олениху (в образе которой соединяются архаический миф и природа), его внук убивает себя. Символически самоубийство единственного

ребенка в повести говорит о том, что у мира, где верховодит Орозкул-потребитель, будущего нет. Аналогично в романе «Плаха» Бостон, убивающий волчицу Акбару (которая символически связана с матерью-землей), убивает вместе с ней своего младенца.

Как отметила О.С. Кобзева, в творчестве романного периода, несмотря на усиление трагическое, «писатель исходил из оптимистической концепции мира и человека, настаивая на всесиили высшего Разума над мировым злом, провозглашая в своем творчестве торжество жизни и разума и убеждая в вечном и неизменном торжестве добра» [6. С. 24]. В мировидении Айтматова трагедия — не последнее слово человеческой истории, ее возможно пережить и извлечь из нее уроки. Трагические события XX в. в произведениях Айтматова перекликаются с аналогичными событиями в прошлом. В свете этого они приобретают не только значение предупреждения, предостережения для человечества, но и значение цикличного, вечного, т.е. сам конфликт вечного и преходящего как бы предопределен на всех его стадиях. По словам А.Ф. Кофмана, «для Айтматова и его положительных героев он имеет вполне определенное разрешение. Какие бы надругательства и жестокости ни совершало в своем беспамятстве преходящее историческое время, оно не в силах лишить человека его праосновы, его принадлежности к своим корням и своему пространству, которые пребывают во времени вечности» [7. С. 309–310].

В статье «Закон всемирного тяготения» (1980) Айтматов говорит о том, что соцреализм — «способ нравственно-философского исследования, понимания и поэтического видения мира, человека в свете грандиозных исторических событий, подлинно реальной жизни — в движении, в полете, в расцвете ослепительной молодости, счастливой тем, что у нее всё еще впереди» [1. Т. 3. С. 267]. Эта формулировка, казалось бы, совершенно созвучна «Основам позитивной эстетики» А.В. Луначарского, однако в контексте творчества Айтматова «всё впереди» связано с цикличностью, а не линейностью времени. Вечное «всё впереди» заключено в природе человека и всего живого, оно не зависит от преходящего. Симптоматично, что поздние произведения Айтматова строятся на воплощении мифологических сюжетов в XX в.: писателя в современности интересует то, как в ней реализуется (повторяется) непреходящее. Оптимистическое «всё впереди» у Айтматова предполагает вечное возвращение не просто в прошлое, а в мифологический момент миротворения, когда всё впереди было буквально и вполне. Вместе с тем было бы ошибкой отрицать связь художественного мировидения Айтматова с соцреализмом. Добавим, что с точки зрения художественной философии Айтматова категорический разрыв с «морально устаревшим» прошлым — типичное заблуждение и одна из основных причин трагических ошибок цивилизации.

Айтматовская интерпретация соцреализма определяется тем, что писатель отрицал его новизну: «Я не разделяю парадных заявлений, парадных ликований, что методом соцреализма мы открыли новую эпоху, новую эру в искусстве, что вся наша литература и культура будто бы совершенно уникальна, необыкновенна. Это не так» [18]. Будучи соцреалистом как номинально, так и сущностно (транслируя ценности социалистического гуманизма), Айтматов тем не менее значительно выходит за его рамки, отказываясь от прогрессистских представлений о линейности времени, а значит, и о новизне настоящего и будущего.

В айтматовской картине мира положительный герой — оптимист, творческим трудом улучшающий мир вокруг себя, сочувствующий всем, нерасторжимо связанный с миром и благодаря этому являющийся высшим существом на земле [3; 6; 8; 9]. Однако положительный герой Айтматова опирается на уроки прошлого и выраженный в них органический планетарный закон, а не на идеальную модель будущего. Будучи «высшим существом на земле», он сверяется с этим законом, а значит, является не «полноправным хозяином природы», а ее заботливым сыном. Это определяет айтматовскую ценностную систему: социалистический гуманизм, происхождение которого как бы не связано ни с революцией, ни с прогрессом вообще. Некий «соцреализм», который заложен в природе вещей и потому «был всегда».

Заключение

Несмотря на веру в непреходящее, специфический соцреализм Айтматова — в соответствии с «Основами позитивной эстетики» А.В. Лунчарского — не предполагает устремленности к трансцендентному. Как выразился А.Ф. Кофман, «Айтматов воспринимает небо и землю как органичное всеединство» [8. С. 302]. Религиозные мотивы у Айтматова чужды самой идее запредельности, в его художественном мире нет потустороннего и посюстороннего, поскольку нет границы между ними. Не только тенгрианская легенда в «Белом пароходе», но и евангельские события в «Плахе» имманентны миру. По-видимому, писатель вообще не заглядывает за его грань, потому что в органичном всеединстве этой грани нет, т.е. Айтматов не «оставляет небо воробьям» [10. С. 99], как завещал А.В. Лунчарский, а вовсе не противопоставляет небо земле. На ней разворачивается конфликт вечного и преходящего (добра и зла), при том что сущностная победа добра предопределена. Отрицая свойственное идее прогресса представление о линейности времени, Айтматов по-своему интерпретирует принцип исторического оптимизма как вечное «всё впереди». По словам британского историка С. Полларда, «современный глобальный мир продолжает верить в дискредитированную, казалось бы, идею прогресса, потому что единственной альтернативой будет всеобщее отчаяние» [22. С. 133]. Философия Айтматова с ее рецепцией прогресса может рассматриваться как другая возможная альтернатива.

Литература

1. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1982–1984.
2. Анкудинов К.Н. Поэзия и прогресс // День и ночь. 2018. № 5. URL: <http://lit-web.net/kirill-ankudinov-poeziya-i-progress/> (04.07.2024).
3. Де Бенуа А. Против либерализма: к Четвертой политической теории / пер. с фр.; предисл. А. Дугина. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.
4. Брусиловский Д.А. Философия Чингиза Айтматова как новая сущность межкультурного и межрелигиозного диалога в социально-планетарной системе // Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (73), ч. 2. С. 51–59.
5. Волгин О.С. Идея прогресса в русской религиозной философии Серебряного века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004. 36 с.
6. Кобзева О.С. Проза Чингиза Айтматова в журнальном контексте «Нового мира»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 28 с.
7. Кофман А.Ф. Художественный мир Чингиза Айтматова // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 2. С. 292–311.
8. Круглов Р.Г. Современная художественная литература: опыт систематизации: монография. СПб.: СПбГИКИТ, 2023. 202 с.
9. Кузнецов Д.И. Чингиз Айтматов — писатель евразийского пространства: материалы науч.-практ. конф. «Феномен Евразии: жизненные миры и стратегии идентификации» // Terra Linguistica. 2014. Вып. 2 (196). С. 25–31.
10. Луначарский А.В. Основы позитивной эстетики // Собрание сочинений: в 8 т. / ред. У.А. Гуральник, И.С. Черноуцан. М.: Худож. лит., 1967. С. 32–100.
11. Мискина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 23 с.
12. Новикова Л. Магический соцреалист // Коммерсант. 2008. 11 июня (№ 100 (3917)). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/902198> (04.07.2024).

References

1. Aitmatov Ch.T. Sbranie sochinenii: v 3 t. Moscow: Molodaia gvardiia, 1982–1984.
2. Ankudinov K.N. Poeziia i progress // Den' i noch'. 2018. No. 5. URL: <http://lit-web.net/kirill-ankudinov-poeziya-i-progress/> (04.07.2024).
3. De Benoist A. Protiv liberalizma: k Chetvertoi politicheskoi teorii / per. s fr.; predisl. A. Dugina. St. Petersburg: Amfora, 2009. 476 s.
4. Brusilovskii D.A. Filosofii Chingiza Aitmatova kak novaia sushchnost' mezhkul'turnogo i mezhreligioznogo dialoga v sotsial'no-planetarnoi sisteme // Voprosy teorii i praktiki. 2016. No. 11 (73), ch. 2. S. 51–59.
5. Volgin O.S. Ideia progressa v russkoi religioznoi filosofii Serebrianoogo veka: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Moscow, 2004. 36 s.
6. Kobzeva O.S. Proza Chingiza Aitmatova v zhurnal'nom kontekste "Novogo mira": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2004. 28 s.
7. Kofman A.F. Khudozhestvennyi mir Chingiza Aitmatova // Studia Litterarum. 2019. T. 4. No. 2. S. 292–311.
8. Kruglov R.G. Sovremennaiia khudozhestvennaia literatura: opyt sistemativizatsii: monografiia. St. Petersburg: SPbGikIT, 2023. 202 s.
9. Kuznetsov D.I. Chingiz Aitmatov — pisatel' evraziiskogo prostranstva: materialy nauch.-prakt. konf. "Fenomen Evrazii: zhiznennnye miry i strategii identifikatsii" // Terra Linguistica. 2014. Vyp. 2 (196). S. 25–31.
10. Lunacharsky A.V. Osnovy pozitivnoi estetiki // Sbranie sochinenii: v 8 t. / red. U.A. Guralnik, I.S. Chernoutsan. Moscow: Khudozh. lit., 1967. C. 32–100.
11. Miskina M.S. Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Aitmatova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2004. 23 s.
12. Novikova L. Magicheskii sotsrealist // Kommersant. 2008. 11 iunია (No. 100 (3917)). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/902198> (04.07.2024).

13. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. М., 1934. 718 с.

14. Ревякина А.А. «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия // Россия и современный мир. 2002. № 4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialisticheskii-realizm-k-istorii-termi-na-i-ponyatiya> (04.07.2024).

15. Ростовец М.И. Идея прогресса и ее историческое обоснование // Современные записки. 1921. Кн. 6. С. 146–166.

16. Святославский А.В., Богданова О.В. Социалистический реализм: между классицизмом и романтизмом // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. Вып. 1. С. 230–243.

17. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.

18. Турсон А. Соцреализм, «языковое» диссидентство и Айтматов: к 90-летию классика мировой литературы Чингиза Айтматова // Central Asian Analytical Network. 2018. 12 декабря. URL: <https://www.caa-network.org/archives/14830> (04.07.2024).

19. Тюна В.И. Коммуникативная стратегия «вестничества» в прозе Чингиза Айтматова // Новый филологический вестник. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-vestnichestva-v-proze-chingiza-aytmatova> (04.07.2024).

20. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 259 с.

21. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

22. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. М., 1996. 416 с.

13. Pervyi Vsesoiuznyi s"ezd sovetskikh pisatelei: stenograficheskii otchet. Moscow, 1934. 718 s.

14. Revyakina A.A. "Sotsialisticheskii realizm": k istorii termina i poniatii // Rossiia i sovremennyi mir. 2002. No. 4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialisticheskii-realizm-k-istorii-termi-na-i-ponyatiya> (04.07.2024).

15. Rostovtsev M.I. Ideia progressa i ee istoricheskoe obosnovanie // Sovremennye zapiski. 1921. Kn. 6. S. 146–166.

16. Sviatoslavsky A.V., Bogdanova O.V. Sotsialisticheskii realizm: mezhd klassitsizmom i romantizmom // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2022. T. 23. Vyp. 1. S. 230–243.

17. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004. 991 s.

18. Turson A. Sotsrealizm, "iazykovoe" dissidentstvo i Aitmatov: k 90-letiiu klassika mirovoi literatury Chingiza Aitmatova // Sentral Asian Analytical Network. 2018. 12 dekabria. URL: <https://www.caa-network.org/archives/14830> (04.07.2024).

19. Tiupa V.I. Kommunikativnaia strategiiia «vestnichestva» v proze Chingiza Aitmatova // Novyi filologicheskii vestnik. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-strategiya-vestnichestva-v-proze-chingiza-aytmatova> (04.07.2024).

20. Fukuiama F. Konets istorii i poslednii chelovek / per. s angl. M.B. Levina. Moscow: AST, 2015. 259 s.

21. Heidegger M. Vopros o tekhnike // Vremia i bytie: stat'i i vystupleniia / M. Heidegger; per. s nem. V.V. Bibikhina. Moscow: Respublika, 1993. S. 221–238.

22. Shtompka P. Sotsiologiiia sotsial'nykh izmenenii / per. s angl. Moscow, 1996. 416 s.

Круглов Роман Геннадьевич,

кандидат искусствоведения,
доцент кафедры филологии и истории искусств
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Kruglov Roman G.,

Candidate of Art History,
Associate Professor of the Philology and Art History Department
St. Petersburg State Institute of Cinema and Television

e-mail: rokrugl@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7325-0508>

Широглазова Наталья Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой зарубежной филологии и лингводидактики
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Shiroglazova Natalia S.,

Candidate of Philology, Docent,
Head of the Foreign Philology and Linguodidactics Department F.M. Dostoevsky
Russian Christian Humanitarian Academy

e-mail: nshiroglazova@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7325-0508>

